

НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ НОВЫЕ ТАЙНЫ

ГИБЕЛЬНЫЙ ГОЛОС СИРЕН

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

Никаких запретных тем!
Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская
Гибельный голос сирены

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Гибельный голос сирены / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2014 — (Никаких запретных тем! Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-244871-3

Она была звездой радио. Загадочная Мэри Крисмас колдовским голосом сводила мужчин с ума. Ни один из ее поклонников не догадывался, что дива эфира в жизни невзрачная женщина с неустроенной личной жизнью. Никто не знал ее в лицо! Но... На Мэри устроили покушение, когда она возвращалась с работы! В нее стреляли, причем из того же пистолета недавно убили ее фаната. Им оказался странный мужчина, дизайнер, добровольно заточивший себя в своей мастерской, там же и погибший... Неужели кто-то из армии почитателей Мэри сумасшедший, составивший понятный ему одному план? Не тот ли это человек, что звонил каждую ночь в студию и писал ей любовные СМС, подписываясь просто «ТВОЙ»?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-244871-3

© Володарская О. Г., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Володарская

Гибельный голос сирены

© Володарская О., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Часть первая

Глава 1

В комнате оказалось темно. Но не настолько, чтобы не видеть, в каком направлении двигаться. Единственное окно было не задернуто шторами, и в комнату попадало немного света уличного фонаря. Левон, обойдя перевернутый стол, прошел к торшеру, стоящему в углу, и щелкнул кнопкой выключателя. Стало светло.

Помещение было большое, но крайне неудобное. Низкий потолок, выкрашенные темно-синей краской стены, истертый линолеум. Из мебели – стол, ныне опрокинутый, и кресло с драгой обивкой. В углу стоит огромная газовая плита. Остальное пространство заставлено грубо склоченными стеллажами. На их полках разноцветные фигурки. Зайчики, котята, мишки; груши, яблочки, ананасы; нимфы, клоуны, ангелы. Вещей в комнате было довольно много, но царили в ней не они, а... запах!

– Чем тут так воняет? – пробурчал коллега Левона, Леха Колобов, зажав нос пальцами.

– Не воняет, а пахнет, – поправил его Левон. – И между прочим, довольно приятно...

– Фу! – Леха присел на корточки возле перевернутого стола и стал рассматривать застывшую желтоватую лужу: – Не этим ли?

– Так ты понюхай.

– Давай ты. А то меня сейчас вырвет...

– Какие мы нежные! – Левон опустился рядом с Лехой, поддел массу ногтем и поднес к носу. – Кокосом пахнет.

– Точно! Ненавижу «Баунти».

– Вообще-то тут много других запахов витает. Не чувствуешь? Мята, фрукты, миндаль... – Левон повел своим крупным армянским носом. – Кофе, сандал, барбарис...

– Ты выбрал не ту профессию, Лева. Тебе надо было идти в парфюмеры, а не в полицию. – Леха приоткрыл одну ноздрю. – А кровью, что странно, не пахнет совсем. Хотя ею тут все залито...

– Ароматы перебивают.

Левон поднялся и направился по кровавому следу к плите. Он тянулся от нее к двери. Человек, чей труп сейчас осматривал криминалист, получил две пули в живот, когда колдовал над своим кокосовым варевом. Судя по всему, он изготовил его, выключил газ, снял кастрюлю с плиты, развернулся, собираясь поставить ее на стол, а затем разлить по формам, когда в него выстрелили. Дважды (хотя гильзу почему-то нашли лишь одну)! Пули попали ему в брюшину. Человек выронил кастрюлю, схватился за живот и, падая, опрокинул стол. Но он смог устоять на ногах и даже сделать несколько шагов к двери. Достигнув ее, он схватился за косяк – на нем остались кровавые следы – и рухнул на пол.

– Что скажешь, Василич? – крикнул Левон, обернувшись. Он обращался к криминалисту. Только устроившись в полицию, в то время милицию, оперуполномоченным, Левон думал, что Василич это отчество. На самом деле оказалось – фамилия. Звали Василича Григорием. А отчество он имел совершенно потрясающее – Македонович.

– Пока ничего нового, – ответил тот, стянув с рук резиновые перчатки. – Умер от полученных огнестрельных ранений. Но не сразу. Помучился минут десять. Пытался встать. Тянулся к телефону. Сил не хватило, впал в беспамятство, после чего скончался.

– Сильный мужик. Другой бы с такими ранами и шагу не сделал.

– Да. Крепкий. И молодой. Сорока нет... – Для пожилого Василича все, кто не старше пятидесяти, были молодыми.

– Тридцать шесть, – подал голос Леха. – Я документ нашел! – Он показал паспорт. – Не женат. И не был. Зовут Валентином. Фамилия крайне редкая... – И со смешком озвучил: – Петров.

– Прописан здесь?

– Да.

– Надо же... Я думал, это только мастерская. А он свой дом в мыловарню превратил.

Квартира была двухкомнатной. Последний этаж трехэтажного дома барачного типа из рыжего кирпича. Ветхое жилье, давным-давно предназначенное к сносу. И это не на окраине столицы, а близко к центру. Таких хибар сохранилось крайне мало. Через несколько лет вовсе не останется, но пока они имеют место быть. Тот же Леха до недавнего времени жил в подобной, но три года назад ее снесли, и Колобову дали квартиру в новостройке. Его, к слову сказать, это не очень порадовало, так как пришлось из хорошего района переехать, как он говорил, в «задницу Москвы».

– Смотри, тут еще куча визиток! – сообщил Леха, стоявший возле стеллажа, самого близкого к двери. На нем не было фигурок. Только книги и бумаги. – Валентин Петров. Дизайнер. Простые вещи в непростом исполнении. – Он ткнул пальцем в стеллаж с фигурками: – Это он об этом? Что ж... Хорошо сказано. Вроде мыло, но не только. Еще и скульптурка симпатичная. Я б своей жене купил что-то подобное на Восьмое марта или День Валентина. Мелочь, а приятная.

– И не дешевая.

– Даааа?

– Мыло, изготовленное на заказ, стоит прилично. А в этом еще натуральные ингредиенты.

– Значит, хорошо зарабатывал наш дизайнер? Пойду посмотрю, пропало ли что.

И Леха удалился в соседнюю комнату. А Левон остался в мастерской и принялся осматривать ее более внимательно. Ничего необычного в глаза не бросалось. Немного удивляло отсутствие верхнего освещения – в цоколь даже лампочка не ввернута, и Левон решил, что дизайнеру Петрову ночью лучше творилось при свете торшера, а днем, пусть и пасмурным, он вообще не пользовался осветительными приборами, коль на окнах даже занавесок нет. Что неплохо для следствия. Возможно, кто-то из жильцов дома, стоящего поблизости, что-то видел. Убили Петрова как раз днем. А вечером соседка, возвращаясь с работы, заметила, что дверь не закрыта, заглянула и увидела труп. Позвонила в полицию.

– Бумажник на месте, в нем деньги! – крикнул из соседней комнаты Леха. – Часы тут еще, цепочка. В общем, не грабили его.

– Или взяли что-то конкретное, не размениваясь на мелочи, – предположил Левон.

Недавно он вел дело об убийстве одного дедушки. Жил тот в маленькой квартирке, скудно питался. Его умертвили ударом по голове. Деньги остались на месте, как и все более или менее ценные вещи. Решили, что деда из-за квартиры грохнули наследники. Но нет, не было у него их. Оказалось, у деда имелась шикарная коллекция марок, доставшаяся от отца. Ему она была дорога как память, и ценности ее он не знал. Доставал редко, чтоб, подержав в руках, вспомнить детство. Однажды за этим его застал сосед, зашедший за какой-то мелочью. Увидев коллекцию, сразу оценил ее – разбирался в марках. Хотел выкупить ее у старика, естественно, по заниженной, но все равно очень приличной цене. Но дед ни в какую. Память – и все тут! За что и поплатился жизнью...

– Ой, да чего брать-то у Вальки? – послышалось из прихожей. Это соседка, та самая, что обнаружила труп, протиснулась в дверь. – Все, что зарабатывал, тут же и тратил на материалы для новых работ. Он именно так называл свои изделия – работы. Ладно хоть не творения! – фыркнула женщина.

– Вы его не очень жаловали, смотрю? – поинтересовался Леха, выйдя в прихожую с простеньким планшетом в руке. Нашел при обыске, видно.

– А его тут никто не жаловал. Устроил мыловарню на дому. Запахи навязчивые, пар, дым. А шуму сколько. Он же и ночью мог варить. Гремел тазами, мебель двигал, а стены у нас не кирпичные, как может показаться, а фанерные – все слышно. Да еще народ к нему постоянно шастал, в дверь подъездную колотил, она у нас на ключ запирается, на домофон не собрали, всем денег жаль.

– Что за народ?

– Покупатели!

– Так он еще и магазин на дому устроил?

– Можно и так сказать. Но желающих купить мыло по цене хороших духов не так много, поэтому потока покупателей не было. Однако за день паратройка человек навевывалась. Перед праздниками вообще беда – идут и идут. Я, кстати, в налоговую звонила. Да все руки у них до Вальки не доходили. А участковый, которому я тоже жаловалась, пришел да и ушел... унося с собой подарочки.

– Где Петров покупателей находил, не знаете?

– В Интернете, – ответил за соседку Леха. И продемонстрировал экран планшета, на котором отображалось объявление, размещенное Валентином. Все то же про простые вещи в непростом исполнении. – Тут и переписка с потенциальными и постоянными клиентами имеется. Будет над чем поработать.

– Да, у него были постоянные клиенты, – кивнула соседка. – Двоих я запомнила...

– Опишите.

– Одна женщина. Приятная, лет тридцати, с веснушками. А еще мужчина. Высокий, здоровый, бритый... Ну чистый Шрек, только не зеленый. И вот тут... – она указала на шею, – тату у него. Иероглиф какой-то. Я его, мужчину этого, сначала, как увидела, испугалась. Думала, бандит. А потом смотрю, глаза добрые. И манеры такие, знаете... как у джентльмена.

– А манеры свои он когда вам продемонстрировать успел?

– Столкнулась с ним на лестничной площадке. Так он меня вперед пропустил, улыбнулся, чуть ли не поклонился. Приятный очень мужчина. Мне кажется, иностранец.

– Почему вам так кажется?

– Да вид у него какой-то не наш. И говорит он с акцентом. Я слышала...

– Не с французским?

– Да я разве разбираюсь, – пожала плечами женщина.

Левон вопросительно глянул на коллегу.

– Среди постоянных клиентов Петрова значится Пьер Морель, – пояснил он. – И с ним у покойного сегодня была назначена встреча.

– Вот и первая зацепка, – возбужденно проговорил Левон.

– А вот вторая! – Леха сунул ему в руки планшет. – Видишь это?

Левон пробежал глазами по экрану. Открытый чат на одном из социальных сайтов. Диалог велся между мужчиной и женщиной. Валентином Петровым и некой Мэри Крисмас. Велся он не один день. И даже не недели – месяцы. Правда, вяло. Валентин писал много и часто, а вот ответы получал через раз, а то и два. Левон пробежал глазами по последним сообщениям и понял, что заинтересовало Леху. Валентин пригласил Мэри к себе в гости. Обещал подарок на день рождения. Судя по мигающему тортику в уголке ее аватарки (не фотографии, а рисованной картинке), он был сегодня.

Сообщение Мэри прочитала, но не ответила на него. В Сети она не была с десяти утра.

Да, пожалуй, это еще одна зацепка.

– Программистам придется попотеть, чтоб выяснить, что это за Мэри такая, – пробормотал Левон. – На странице никакой личной информации. Даже фотография отсутствует.

– Да она им меньше всего нужна. Изучат друзей, пробьют ящик, с которого профайл зарегистрирован, и не только выдадут тебе адрес по прописке и телефон, но и озвучат ее сексуальные пристрастия и размер одежды. Фотки, кстати сказать, ты тоже получишь, да не простые, а в стиле ню.

– А их-то они откуда возьмут? – полюбопытствовала соседка. И Леха соизволил ей ответить:

– Ой, да многие их делают сейчас. И отправляют любовникам-любовницам. А раз так, они есть в почте.

– А у Вальки любовницы не было! – выпалила она.

– А может, та, с веснушками, не покупательница вовсе? Когда, кстати, вы последний раз ее видели?

– На прошлой неделе. Вечером. И никакая она не любовница, – фыркнула женщина. – Она пробыла у Вальки десять минут всего (я подъезд подметала, так до первого этажа не успела спуститься), ушла с пакетом, воняющим кокосом...

– Тоже не любите этот запах? – встрепнулся Леха.

– Ненавижу! – Она поморщилась. – Стою сейчас, задыхаюсь.

– А я уже привыкся...

– Вы посмотрите, как он жил! В разрухе полной. Ладно, ремонта не делал и мебель не покупал, так проводку провести не мог. У него ни в комнатах, ни в туалете света нет. Только пара розеток функционирует. Разве можно в такой дом девушку привести?

– А если к ней?

– Да он из дома не выходил совсем. Все по Интернету заказывал – от сырья до продуктов.

– Почему? Фобия, что ли, какая?

– Нет. Просто домосед такой. Всегда был. Но раньше приходилось все же ему из берлоги своей вылезать. А теперь, когда все на дом привозят, необходимость в этом отпала.

– Как же он... э... удовлетворял некоторые свои другие потребности?..

– Вы про секс? – пришла ему на помощь соседка. – Так тоже на дом. Девочек вызывал, но редко.

– Про девочек откуда знаете? – поинтересовался Левон.

– Напомнить про стены? – хмыкнула та и перевела взгляд на Леху: с ним она разговаривала охотнее. – Нормальная женщина не будет так охать и стонать. Только девушка по вызову, что свой гонорар отрабатывает. Неубедительно, понимаете? Да и выглядят... – Она махнула рукой. – Шалавы, в общем! Не спутаешь их ни с кем...

Соседке было между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью. По мнению Левона, именно молодые работающие пенсионерки оказывались лучшими свидетельницами. Они проницательны, наблюдательны и довольно современны. В показаниях минимум эмоций и выдумок. Хотя и без них не обходится, конечно.

– А кто мог желать Валентину смерти, как вы думаете? – спросил Левон.

– Только Павлушка.

– Это кто такой?

– Парень с первого этажа, которому среди ночи приходилось дверь Валькиным клиентам отпирать... – Видя, что ее слушают с серьезным видом, поспешно добавила: – Да шучу я так неудачно! Вы что, буквально мои слова восприняли?

– А в какой квартире Павлушка живет?

– Да не мог он Вальку убить. Чего вы? – перепугалась женщина. – Да, цапался с ним иногда, но мы тут постоянно друг с другом ругаемся. Паршивый у нас подъезд, да и весь дом целиком. Снесли бы уж скорее да нас расселили. Но он крепкий еще, вот и маемся. Половина жильцов пьет, остальные их терпят. И не съедешь никуда. Мы хоть и недалеко от центра, но чуть ли не на заводской территории. Никто сюда не хочет переезжать...

– Да вы не волнуйтесь так, – успокоил свидетельницу Леха. – Мы просто поговорим с Павлушей. Раз он ночами клиентам Петрова дверь открывал, то знает их в лицо.

– А, ну да... Во второй он.

– Спасибо вам за содействие. Если будут вопросы, мы к вам обратимся.

– Я вот еще что забыла рассказать вам. Не знаю, важно это или нет, но вы уж сами решите.

– Слушаю вас.

– Не помню, говорила ли, что Валька на моих глазах вырос. Так вот, когда ему было двадцать два, его чуть не убили.

– Что вы говорите? – заинтересовался Левон, до этого слушавший свидетельницу не очень внимательно.

– Чудом выжил. Голову ему проломили, но Валька выкарабкался.

– Кто его так?

– Самое удивительное, что неясно кто.

– А что вас удивляет? Не всегда удается найти преступников.

– Так его нашли. Марковна, это бабуля с соседнего подъезда, покойная ныне, видела напавшего на Вальку парня. И узнала его. Он к одной девчонке из ближайшего дома наведывался. Парня арестовали. Но Валька на опознании заявил, что на него напал совсем другой человек. И стоял на своем все время. В итоге подозреваемого отпустили. Марковна после этого с Валькой разговаривать перестала. Уверена была, что не ошиблась. Пусть она и была тогда уже в очень преклонном возрасте, но в своем уме и не слепая, только плохо видящая. Ухажера соседской девушки мы больше не видели. Не знаю, что с ним случилось. Но я тут подумала, а что, если он через много лет вдруг решил Вальку добить?

– Хорошо, что рассказали. Спасибо. Обязательно поднимем материалы того дела.

– Вы вообще нам очень помогли, – присоединился к нему Леша. – Искреннее мерси.

Женщина с достоинством кивнула и удалилась.

– Чудо, а не свидетель, – цокнул языком Колобов. – Побольше бы таких. Воды – тонкий ручеек. Остальное все по факту.

– Я тоже ее почти полюбил, – улыбнулся Левон.

– Пойду к Павлуше спущусь... – сообщил Леха.

И собрался покинуть квартиру, но в дверях столкнулся с юной девушкой, которая намеревалась просочиться внутрь.

– Мадемуазель, вы куда? – осведомился Леха, преградив барышне путь.

– Что с Вале́й? – взволнованно пискнула та, попытавшись поднырнуть под руку Колобова.

Но тот был бдителен!

– А вы ему кто?

– Соседка я... – Она часто-часто заморгала. То ли от растерянности, то ли просто решила, что это безотказно действует на мужчин, потому что в ее представлении стрельба глазами выглядела именно так.

Соседка была прехорошенькая. Белокурая, тоненькая, с огромными карими глазищами. Только одета слишком вызывающе и накрашена ярко: кожа покрыта очень светлой пудрой, просто-таки меловой, губы алые, жирная подводка на веках.

– Из какой вы квартиры?

– Из шестой.

– Как зовут?

– Маша.

– О... Твои родители оригиналы! Так дочуру назвать. Или ты по паспорту все же Марина или Маша?

– Зоя, – буркнула девушка и предприняла очередную попытку прорваться в квартиру. – Но я ненавижу свое имя. И друзья мне дали другое...

– Мне кажется, Зоя красивее Маси.

– Ай, ничего вы не понимаете! – отмахнулась Маша. – Так что с Валей?

– Он мертв.

Левон с Лешей ожидали какой угодно реакции, но только не возгласа:

– Да ладно?!

Колобов недоуменно поднял брови. Они были у него ярко-рыжие и кустистые. Как и щетина. А вот волосы на голове – редкие и черные. Многие думали, что он их красит. Подкалывали Леху. Он обижался.

– Правда, что ли, умер? – переспросила девушка.

– Убили...

И она зарыдала. Слезы брызнули и потекли ручьями по лицу, оставляя дорожки. Такие появляются на замерзшем окне, когда температура воздуха повышается и иней подтаивает. Маша убивалась так, будто не сосед умер, а близкий человек...

Или сосед был ей настолько близок?

– А можно на него посмотреть? – выпалила вдруг Маша. И в ее заплаканных глазах засверкал огонек.

– На труп? – уточнил Леха. Он был так же удивлен ее поведением, как и Левон. Но что взять с современных подростков? «Старики» чуть за тридцать перестали их понимать. И если Левон, имеющий младшего брата, относился лояльно к тинейджерам, то Леха считал их потерянными поколением.

– Да!

– Увы... Увезли уже. А зачем вам это?

– Что – это?

– На труп смотреть.

– Да не верится как-то... Я думала, он еще на наших похоронах простудится. Хотя Валька всегда говорил, что умрет молодым. А я не верила...

– Вы тесно общались?

– Да. Я часто к нему приходила. Он хоть и долбанутый, но не злой был. Не гнал меня. Разрешал сидеть в комнате, смотреть, как он мыло варит. Да еще много интересного при этом рассказывал. Не только о мыле, вообще...

– И сколько лет ваша дружба, если ее так назвать можно, длилась?

– Три-четыре года. Точно не помню. У меня родители бухают. Не так чтоб до поросычьего визга, но прилично. Как напьются, меня строить начинают. Поэтому я сбегаю из дома. Все равно, где находиться, только бы не с ними. Даже в подъезде лучше. Сунешь плеер в уши, сядешь на подоконник и слушаешь спокойно музыку, а дома не дадут. И вот как-то Валька выполз из берлоги своей мусор выкинуть (он редко нос казал из квартиры, я его за все время проживания тут и видела с десяток раз), заметил меня и... пожалел, что ли? Ну, или ему самому так тошно было в одиночестве, что хотелось компании. И позвал он меня к себе. Тогда он только начинал мыло варить. Не был мастером. Пробовал себя. Показал мне, как что делается. И помогать позволил. Я тогда маленькая была, интересовалась этим. Часа два у него просидела. Перед уходом спросила, можно ли еще прийти. Валька разрешил. Вот я и стала к нему иногда захаживать. В привычку у меня это вошло. Да и он вроде привязался ко мне. У него ведь никого из близких не было: ни жены, ни друзей, – а мать, она одна его воспитывала, умерла.

– Он с тобой на откровенные темы беседовал?

– Нет! – мотнула головой девушка.

– О жизни рассказывал?

– Больше о мыле.

– Ты же сама сказала, что не только о нем, а вообще... интересное что-то.

– Да он не о себе. А например, о растениях. Валька же в свое мыло только натуральные компоненты добавлял. Поэтому знал многое о том же кокосе, которым сейчас пахнет, как он растет, чем полезен.

Девушка говорила, но на полицейских не смотрела. Взгляд ее метался по помещению – Маша явно что-то искала. Левон спросил что.

– Журнал, – ответила барышня. – Глянцевый. С Пьером Морелем на обложке. Не видели его?

– С Пьером Морелем? – переспросил Левон. – А кто это?

– Это известный шеф-повар. Вы что, не слышали о таком?

Левон с Лехой покачали головами.

– Ну, как же? – всплеснула руками Маша. – Его часто по телевизору показывают. У Пьера есть своя кулинарная рубрика в утренней передаче на одном из центральных каналов. – И с восторгом: – Он такой классный! Я когда узнала, что Пьер клиент Вальки, чуть с ума не сошла от счастья. Мечтала познакомиться с ним. Но сегодня никак не смогла днем освободиться, я хочу моделью стать, на кастинг ходила, вот и попросила Вальку взять у Пьера автограф.

– Леш, журнал не видел?

– Полно всяких. Какой надо?

– «Кулинарные штучки».

Левон вспомнил, что видел такой. А обратил внимание на журнал, потому что на обложке был помещен мужчина, который уместнее бы смотрелся на «Менс хелф». Он был похож на спортсмена, а не на повара. Бритый, мускулистый, татуированный, он никак не ассоциировался с кулинарией, скорее с регби.

Левон вернулся в комнату. Журнал лежал на стеллаже с книгами. Он взял его и показал Маше:

– Этот?

– Да, да! – восторженно запищала она. Такую бурную реакцию вызвал автограф того, кто красовался на обложке. Кроме подписи имелось короткое пожелание удачи. – Могу я забрать его?

– Почему нет? – Он отдал журнал девушке. – В каком ресторане этот Пьер шефствует, не знаешь?

– В «Красной площади». Это один из самых дорогих и престижных ресторанов Москвы.

– Да, я в курсе. – Левон был наслышан об этом заведении неподалеку от Кремля. Запретельные цены и зашкаливающий уровень пафоса.

– Я побегу, ладно? – спросила Маша-Зоя, впериw в обложку взгляд, в котором читалось обожание. Вот она, сила массмедиа. Журналы и телевидение могут даже из повара сделать звезду!

– Пойдем провожу тебя до квартиры, – предложил Леха. – Я к Павлуше спускаюсь.

– Так и я к нему!

– А к нему зачем?

– К дочке его. Хочу похвалиться автографом.

– Ну, пошли тогда. – Леха обернулся к Левону: – А ты в «Красную площадь»?

– Пожалуй.

– Созвонимся, – бросил Леха и покинул квартиру.

Левон хотел последовать за коллегой, но вместо этого вернулся в мастерскую. Еще раз пробежался глазами по статуэткам из мыла. Хотел взять одну для девушки. Выбирал какую: клубничку, пальму, пупса, ежика, сову? Или милого гномика? А может, вот эту фигуристую барышню, что стоит, изогнув пышные бедра? Где-то Левон уже видел нечто похожее...

И тут его осенило! Это же барышня с аватарки Мэри Крисмас. Так вот какой подарок Валентин изготовил для нее...

Секунду поразмыслив, Левон снял фигурку с полки, завернул в бумагу и положил во взятый с пола пакет. Когда программисты вычислят, кто такая Мэри Крисмас, он вручит ей эту скульптурку. Даже если девушка окажется убийцей.

Глава 2

У Мэри был фантастический голос. Низкий, чуть хрипловатый, но не грубый. Завораживающий. Ласкающий. Будоражающий. Незабываемый. В нем оказалось столько сексуальной притягательности, что мужчины желали ее, лишь услышав, как Мэри говорит. В этом не было ничего удивительного, поскольку она работала на радио.

Попала она туда совершенно случайно. Сразу по окончании института Мэри устроилась менеджером по продажам в одну небольшую фирму. Обзванивала организации, предлагая продукцию. Как-то она спутала цифры номера и попала на радиостанцию. Мужчина, взявший трубку, сначала обалдел от того, что ему, режиссеру эфира, предлагают купить белила для производства автомобильных покрышек, затем прислушался к голосу, оценил его и спросил: «Барышня, а вы на радио поработать не хотите?» Мэри, которой кровь из носу нужно было продать хотя бы двести кило белил, сначала хотела бросить трубку, чтоб не тратить свое драгоценное время на пустой треп. Но что-то заставило ее вступить с собеседником в диалог. Уже вечером она пришла на радио прослушиваться.

Мэри встретил тот самый режиссер. Это был привлекательный мужчина лет сорока по имени Фидель. Отец-кубинец назвал его в честь Кастро. От папы ему досталось только имя. Внешне же Фидель был стопроцентный славянин: русский, сероглазый, курносый. Мэри предположила, что это его кличка.

– Я так и думал, – сказал он, увидев ее.

Мэри непонимающе на него воззрилась.

– Люди с фантастическими голосами, как правило, выглядят посредственно.

Она могла бы оскорбиться, да Фидель был даже корректен. Сказал, что она выглядит посредственно. На самом же деле Мэри была дурнушкой. Толстая, носатая, пучеглазая. Она не видела в своей внешности ни одного достоинства. Даже волосы, пусть и густые, и цвета приятного, медового, торчали в разные стороны, никак не желая укладываться в прическу.

– Скажи что-нибудь, – скомандовал Фидель.

– Что?

– Да хоть про свои белила!

Мэри тут же начала рассказывать об их преимуществах, но Фидель остановил ее:

– Достаточно! Я убедился в том, что ты – это ты. Та самая нимфа с колдовским голосом. Нам именно такая нужна. Не можем соведущую для ночного выпуска найти. От тебя ничего особенного не требуется. Знай себе чирикай по бумажке. Но чирикай так, чтоб у всех мужиков в штанах дымилось. Ты идеальный вариант!

Мэри смущенно потупилась. Вообще-то она понятия не имела, как дымятся мужские штаны, вернее, то, что в них. В свои двадцать два она оставалась девственницей. И в отличие от многих таких же, как она, нетронутых барышень, не имела никакого сексуального опыта. Других послушаешь, так и петтинг, и оральные ласки ими испробованы. А Мэри с парнями лишь целовалась. И не потому, что берегла себя ради кого-то, нет. Просто как-то так получалось...

А скорее, не получалось!

– Тебе надо изменить свое отношение к себе, – учила ее подруга Ленка, девушка пусть не сногшибательная, но вполне симпатичная. – Перестань комплексовать, научись себя любить, и тогда парни потянутся к тебе...

Но Мэри это и без нее знала. Вот только как изменить-перестать-научиться? Если б к ней кто-то потянулся, тогда уверенности бы прибавилось, а так...

Да и Ленка не авторитет. Сама долгое время страдала от неуверенности в себе. Даже дружить с Мэри стала потому, что та неказистее ее была. Ей требовалась страшная подруга, чтоб сама Ленка на ее фоне выигрышнее смотрелась. Мэри узнала об этом от одноклассницы.

И хотела с Ленкой разругаться, но потом решила этого не делать. Потому что, кроме нее, у Мэри подруг не было.

Они продолжали поддерживать отношения и по окончании школы. Обе поступили в один вуз, только на разные факультеты. Постоянно пересекались в универе. И на тусовках бывали вместе. Только Ленка если и не в центре внимания, то хотя бы в периметре, а Мэри за его пределами. И ведь сама понимала, что неправильно себя ведет. Были в компаниях девушки нисколько не красивее ее, но такие заводные, веселые, раскрепощенные, что на них находились желающие (познакомиться, потанцевать, проводить). При этом она никогда не была забитой, нелюдимой, пугливой. Могла и в разговоре поучаствовать, и станцевать, и спеть, и на авантюру подписаться, но никогда не бывала инициатором. Предложат – поддержит. Но выступит в массовке.

Лена замуж вышла на последнем курсе. Мэри была у нее на свадьбе свидетельницей. Повеселилась чудесно. Особенно ей понравилось со свидетелем танцевать и целоваться по углам. Мэри подумала грешным делом, что он влюбился в нее. А он всего лишь переспать с ней хотел. Так сказать, соблюсти традицию (якобы если свидетель со свидетельницей переспят, молодые жить будут долго и дружно). Но и это была не его инициатива. Друзья подбивали. А парень бухтел «я столько не выпью»...

Но выпил-таки! И стал к Мэри приставать.

Она его отвергла. Возможно, из-за этого брак Лены распался через четыре года. И она осталась одна с двухгодовалым сыном.

Мэри на тот момент уже работала на радио. Да не какой-то чирикалкой, а полноценной ведущей. Мэри Крисмас – такой был у нее псевдоним (на самом деле ее звали Марией Кирсановой). Она чаще всего вела ночные эфиры. Но раз в неделю – дневной. Шоу называлось «Маленькая пятница» и шло по средам.

В ее фантастический голос влюблялись многие. У Мэри было множество поклонников, и почти все они представляли ее сногшибательной красоткой. Потому что не может женщина с ТАКИМ голосом быть обычной, а тем более страшенькой. Некоторые караулили ее у дверей здания радиостанции, мечтая познакомиться с Крисмас лично. Несколько раз эти поклонники обращались к ней. Хватали за руку и спрашивали, когда Мэри выйдет, на какой машине она ездит или как выглядит. В ответ она всегда пожимала плечами. И шла к метро, то ухмыляясь про себя, то хмурясь, в зависимости от настроения.

В двадцать четыре года Мэри наконец рассталась с невинностью. Отдалась Фиделю после новогоднего корпоратива. Он был женат, и ничего серьезного у них не могло получиться. Но сексом они продолжали заниматься, пусть и не часто...

А ей так хотелось романтических отношений!

– Тебе нужно найти слепого мужика! – выдала как-то Ленка. – Который влюбится в твой голос и не будет тебя видеть.

– Я что, так ужасна? – вышла из себя Мэри. – У меня борода? Горб? Или дополнительная конечность? Я не хуже многих!

– Так ты же сама себя дурнушкой считаешь.

– А ты, вместо того чтоб разубедить меня в этом, только масла в огонь подливаешь!

– Я даю тебе совет.

– Да пошла ты... со своим советом! И кстати! Что ж ты глухого себе не нашла? У тебя такой противный голос. Может, муж от тебя сбежал, потому что не смог его больше терпеть?

И ушла от Ленки разъяренная. Они потом месяц не разговаривали, но все же помирились.

В двадцать пять лет Мэри решила, что так больше продолжаться не может и надо что-то в себе менять. И начала с внешности. Села на строгую диету и... записалась на прием к пластическому хирургу. Тот, осмотрев ее, спросил:

– Что вы хотели бы подкорректировать?

- Нос.
- А чем он вам не нравится?
- Он огромный.
- Нет, он всего лишь крупный. Но отличной формы.
- Я хочу аккуратный носик.
- Милочка, да куда вам такой? Он же на лице потеряется.
- Лицо у меня скоро будет меньше, я на диете сижу.
- У вас крупные черты лица. Глаза, рот и нос. Я не советую вам делать пластику.
- То есть вы мне советуете оставаться уродиной?
- Вы разве не слышали поговорку, что некрасивых женщин не бывает, есть неухоженные?

Сходите к стилисту, он приведет в порядок ваши волосы, подберет вам правильный макияж. А что на диету сели, правильно. Вам еще в спортзал надо записаться. Иначе придется снова ко мне приходить, и тогда уж я за вас возьмусь.

– В смысле?

– Кожа повиснет, понадобится удалять. В вас ведь лишнего веса, милочка, килограммов сорок.

Мэри ушла от хирурга раздосадованной. Но потом, поостыв, поняла, как ей с ним повезло. Другой бы просто заработал на ней, перекроив ее нос, а результат мог оказаться плачевным. Потому что черты Мэриного лица на самом деле все крупные. И зачем ей маленький нос?

Она послушалась совета доктора и записалась на прием к известному стилисту, а также приобрела абонемент в спортклуб...

И похорошела! Право слово – похорошела. Похудела пусть не на сорок, но на восемнадцать кило. Зато стала влезать в пятидесятый размер, однако покупала пятьдесят второй, чтоб не облегал. Стала гибкой – занятия калланетикой помогли. Стилист ее лохмы привел в порядок, постриг, избавив от вечного хвостика, сделал легкую химию и на челке несколько прядей высветлил. Ленка, когда Мэри с новой прической увидела, присвистнула. Потому что выглядело это очень естественно. Как будто Мэри не два часа в кресле стилиста провела, а две недели на тропическом острове и ее волосы выгорели на солнце, а в беспорядок их привел морской бриз.

А вот макияж, предложенный стилистом, Мэри отвергла. Слишком ярко. Только тени начала накладывать, как он советовал. Чтoб глаза не казались выпуклыми.

И она стала себе нравиться. Не так чтоб ах... но все же!

Вот только на личной жизни это никак не отразилось. Мэри продолжала изредка спать с Фиделем, несколько раз в ее постели оказался другой мужчина, тоже с радио, но уже инженер звукозаписи, однако романтических отношений так ни с кем построить и не удалось. Да что там! Даже их фундамент заложить!

– Может, тебе родить? – выступила с очередным предложением Ленка. – Для себя?

– А не рано?

– Ты что? Женщина двадцати пяти лет в нашей Раше уже старородящей считается. А ты пока забеременеешь, пока выносишь...

– Стану совсем древней? – усмехнулась Мэри. – Что ж... Значит, придется ехать рожать за границу. Потому что я хочу в браке ребенка завести.

– А если замуж не выйдешь?

– Рожу для себя.

– Так я тебе это и предлагаю...

– В сорок лет, не сейчас!

– Не поздно?

– В самый раз, – припечатала Мэри.

И Ленка не стала с ней спорить. Она больше не хотела ссориться. Мэри не только ее подруга, но и крестная ее сына. Мальчик любит ее. А еще больше – щедрые подарки, получаемые от нее на дни рождения и Новый год.

И Мэри продолжала жить как раньше. Разве что стала больше путешествовать и ходить в хорошие рестораны. А еще на занятия по художественной лепке. Надо же себя чем-то радовать и занимать. Другие диджеи вели какие-то мероприятия, кто-то на телевидении снимался. А Мэри не могла себе этого позволить. Показаться людям – значит выдать себя. Как только фанаты узнают, как она выглядит, они разочаруются в ней. Иной раз она думала: и пусть. Она не только сексуальный голос. Она цельная личность. А потом, успокоившись, понимала, что, рассекретив свой внешний образ, только все испортит. Потеряет часть поклонников, это совершенно определено. Да еще избавится от флера загадочности, который позволяет ей выделяться из массы радиоведущих, и она затеряется в ней. Когда радиостанции исполнилось десять лет и был выпущен календарь, для которого снялись все диджеи, Мэри не ходила на фотосессию. В квадратике, под которым значилось «Мэри Крисмас», была помещена веселая картинка сексапильной барышни а-ля супруга кролика Роджера из фильма про многострадального мультя...

«Нет, пусть все остается как есть! – всякий раз делала вывод Мэри. – Денег мне, слава богу, хватает. Так что не будем от добра добра искать...»

На самом деле Мэри хватало средств лишь потому, что ее потребности были не особенно велики. Да, ей неплохо платили, но если б она пожелала купить квартиру или хорошую машину, пришлось бы залезать в долги. Но Мэри досталось жилье от бабушки, а за руль она садиться боялась. Так что заработанных денег ей хватало и на прозу жизни, и на поэзию отдыха (не самого, к слову, дорогого), и на подарки близким, и на чудачества, к коим Ленка относилась с увлечением подруги лепкой.

– Последний рекламный блок, и будем прощаться! – услышала Мэри голос Фиделя. Он раздался из наушников. Сам режиссер сидел в аппаратной. Она видела его через стекло.

Реклама длилась три минуты, этого времени Мэри хватит на то, чтобы налить себе кофе и сделать несколько глотков. За ночь она выпивала чашек пять, чтоб не спать, быть бодрой и не хотеть есть. Кофе отбивал у нее аппетит. Но сегодня была маленькая пятница, а иначе говоря, среда. Поэтому она обходилась обычной водой. Много кофе пить вредно. И для сердца, и для зубов, желтеют они от него, а у нее и так эмаль не белая. Но Мэри решила позволить себе чашечку. Домой она попадет только через два часа, а кушать уже хочется.

Она поднялась с кресла, сняла наушники. Фидель махнул ей, подзывая. Мэри, быстро налив себе кофе, прошла к двери, заглянула в операторскую.

– Что? – спросила она у звукорежиссера.

– Опять твой блаженный звонил четыре раза, – сообщил он. – С другого телефона в эфир пробиться пытался, да я его уже по голосу узнаю...

Мэри покачала головой. Беда с этими блаженными! Так они называли тех, кто постоянно названивал на радио, желая попасть в эфир. Люди эти были не совсем адекватны, с психическими отклонениями. Они несли всякую ерунду: кто предрекал конец света, кто рассказывал об инопланетянах, живущих среди нас, кто обвинял кого-то из известных исполнителей, чьи песни крутились на радиостанции, в сексуальных домогательствах, или в плагиате, или в связи с теми же инопланетянами. Таким редко удавалось пробиться в эфир – звонки принимали люди опытные, они быстро вычисляли блаженных. Но некоторые из них все же умудрялись заморочить головы редакторам и получали свои десять секунд славы. Тогда ведущим приходилось несладко. «Включали» и психолога, и юмориста, и актера, чтобы сгладить ситуацию. Мэри на блаженных «везло» больше всех остальных сотрудников. То ли потому, что психов мучила бессонница (Крисмас чаще всего вела ночные эфиры), то ли они как-то особенно реагировали на ее голос. В общем, у нее было больше, чем у остальных, ненормальных поклонников.

Такие имелись у всех диджеев. Психи влюблялись в них, писали письма, звонили на радио, а с недавних пор присылали СМС-сообщения. Почти на всех радиостанциях стали принимать заявки посредством эсмэсок. Кто-то просил поставить любимую песню, кто-то передать привет, кто-то задать вопрос гостю студии. Эсмэски принимались круглосуточно, фиксировались и отображались на всех компьютерах работников станции. Естественно, среди сообщений было много обычного спама. Но не меньше – страстных признаний. Блаженные писали своим кумирам длинные и страстные послания, назначали им свидания, звали под венец, а то и сообщали о том, что те скоро станут или уже стали родителями. Последнее касалось, естественно, мужчин. Звезда их радио, Ларик Ларионов, парень не только с приятным голосом, но и с обезоруживающей улыбкой, получал подобные сообщения регулярно из разных городов России. Даже из тех, где не бывал. По его подсчетам, у него уже имелось два сына, дочь, а на подходе еще трое детишек.

Мэри СМС приходило меньше, чем Ларику, но больше, чем всем остальным диджеям ее пола. Среди блаженных особенно выделялся один. Он всегда подписывался «Твой». Ни имени, ни фамилии, ни ника. Просто – твой. Сначала он писал очень добрые СМС. Восхищался Мэри и ничего от нее не требовал. Тексты были написаны грамотно: фразы построены – не придерешься и правописание на уровне. Он даже радовал ее первое время. Среди толпы озабоченных дегенератов такой экземпляр! Видно, что прекрасно образован и хорошо воспитан. Еще он звонил. Нечасто, но всегда в одно и то же время, между половиной первого и десятью минутами второго. Желал всем спокойной ночи, слал большой привет Мэри и просил поставить песню «Зурбаган» из фильма «Выше Радуги».

Но потом все изменилось. В сообщениях стали появляться резкие нотки. В словах – ошибки. Не грубые, и все же. Дальше – больше. Мужчина позвонил, его привычно пропустили в эфир, но вместо приятных слов Мэри услышала: «А ты такая же сука, как и остальные! Обещала мне встречу, а сама кинула!» Больше ничего он сказать не успел, звонок прервали. Далее зазвучал «Зурбаган»: редакторы уже приготовили эту песню. Неприятно удивленная, Мэри бросила вопросительный взгляд через стекло на Фиделя. Тот встал, открыл дверь и скороговоркой выдал:

– Он весь день тебе эсмэски слал, оказывается. На свидание звал. Прождал тебя до полуночи у фонтана на Манежной. Ты не пришла, вот он и...

– А казался таким адекватным, – тяжело вздохнула Мэри. – Но я же ничего ему не обещала, даже если он и звал меня куда-то, я не давала согласия на встречу...

– Да что ты на психов внимание обращаешь. Он первый, что ли?

– Нет, но...

– Все, Мэри, к станку, песня заканчивается!

После этого блаженного в эфир не пускали. Но он продолжал слать СМС. От раза к разу они становились все более неадекватными. Пока не превратились в полный бред. «Я тебя любил. Готов был положить к твоим ногам весь мир. Но ты меня отвергла. И теперь делаешь вид, что меня нет. Но я есть, я жив, я ТВОЙ. Все еще твой. И я готов тебя простить. Но ты должна приползти ко мне...» Это было самое адекватное послание. Потом шел набор слов, обычно оскорбительных, и между ними ни точек, ни запятых, ни пробелов. Блаженного занесли в черный список, и его сообщения перестали фиксироваться и отображаться. Он, видимо, понял, что его послания остаются непрочитанными, и подключил новый номер. С него-то он и звонил в эту ночь.

...После рекламной паузы Мэри вышла в эфир на пять минут. Немного поболтала о погоде, испортившейся вечером, выдала несколько анонсов, затем простилась, пожелав всем приятного окончания вечера, сладких снов и бодрого пробуждения. Едва зазвучала музыка, Мэри сорвала наушники и заторопилась на выход.

– Фидель! – позвала она режиссера, распахнув дверь. – Мой блаженный больше не писал?

– Как же. Вот два новых сообщения. – Он ткнул пальцем в монитор. – Я не сразу понял, что это он. Номер-то другой. А потом, когда он позвонил с него и я голос услышал, все ясно стало...

– А мы-то надеялись, что его в больничку положили, – подал голос звукоинженер Слава, неизменно работающий в паре с Фиделем. Когда-то он был вместе с ним на дневных эфирах, но, как только соратник перевелся в другую смену, Слава последовал за ним. Они ведь вместе начинали на радио, устроились на станцию в один день. Ко всему прочему, именно Слава был тем звукоинженером, который «подменял» в ее постели Фиделя (и тут они «работали» в паре).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.